СНЫ ДОБИВАЮТ ШОКОМ БОЛЕВЫМ...

Сны добивают шоком болевым –
Раздавлен я убийственным их шиком.
Так пошло вновь усильем волевым
Гнать в жизнь себя усталым мавериком
И задыхаться, как несчастный мавр, –
Не от любви самой –
от сладкого фантома.

* * *

Так душно, боже мой!
Душа больна
Той жгучей непроявленностью сути.
Не половодьем чувств,
но баламутьем
Поэтов вольница уездная полна.
От этих здравиц
впору в землю лечь, –
И всё ж блажен
седой уже младенец!
Всё перемелют
жернова сих мельниц –
Так без затей
Емеля хвалит печь.
Для многих город впрямь Наукоград,
Наивный лепет –
дань лишь уваженья,
Хор поэтесс
родной химкомбинат
С любовью вспомнит,
те души движенья,
Что стали Биографией потом.
Поэтом, знамо, быть не всяк обязан.
Но я, харизматическим китом
Пугавший тишь! –
ужель судьбой не связан

С провинциальной грустью тополей,
С мальчишкой, гордым
первою зарплатой?!
Ужель и я не пел, как соловей,
Мотив любви
наивной и крылатой?!
…Так почему ж я ныне
так жесток
К блаженным сим,
не знающим надрыва?
Что больше стоит –
патриарха грива
Иль тот души
заветный уголок?!

В ХОРУГВЯХ БЕЛЫХ

В хоругвях белых боль уснёт –
Сибирь белее «белых» чести.
Угрюмый лик, былого гнёт
Не вопиет, как ангел мести.
Зима... Гори, моя звезда!
Я эту боль впитал навеки.
Вновь лжепророков череда
Проходит из варягов в греки...
Что им кокарды и кресты,
Что им забытые могилы!
Их души злы и нечисты,
В пустой трезвон уходят силы.
Не их, печальный адмирал,
Венчало небо на страданья!
...На старом стрельбище сознанье
Обрящет ясности кристалл.

УМОЛК СВЕРЧОК...

...Умолк сверчок. Давно за полночь.
Уймись и ты, душа – довольно
Стенать сиротски и невольно
Искать усладу в пепле фраз.
Сродни кладбищенским мерцаньям
Все эти пафосные пени.
Ну что за вздор – искать свет в тленьи, –
Ужель врачует смертный газ!
Век девятнадцатый в могиле.
Плита двадцатого надёжна...
Но чьи же тени осторожным
Касанием тревожат нас?!

НАЗОЙЛИВОЕ НЕВЕЗЕНЬЕ...

Назойливое невезенье
как цеппелин заиндевевший,
как куль, изжульканный в подъезде,
зловонный гений злой.
Нет, мне не стать твоим идальго.
Писк иск мениск – так пели крысы.
Ах, в самый раз спасать своё лицо.

Ах, в самый раз спасать своё лицо
и, у её порога умирая,
ноябрь сонный озарять любовью.
Но пахнет сыростью и луком,
что, впрочем, так естественно для кухни,
где я пишу свои бессмертные стихи.

СКРИБ...

Ивану Семоненкову

«Писатель» по-латыни «скриб».
Не благозвучно, может быть, но точно.
Мемориальная доска висит
на доме, неприметном в остальном.
А это значит, скриб своё отскрёб
и даже стал любезен тем народу...
А я в ларёк, презрев промозглую погоду, –
ведь стеклотара – наш последний бой.
Привет, собрат.
Ты доблестно отскрёб
свой чешуи тоннаж, реальность взяв за жабры,
чтоб воссияло в душах слово правды!
(ОК, отдел культуры,
штиль твой не соврал!)
...Нет, не зазорно у подъездов пошерстить –
с бутылками найдёшь такие книги,
что вмиг забудутся изгойские вериги –
и впредь готов словесности служить.
...Я помню дух неспешных тех бесед.
Ты был приземист и похож на кочегара
с картины передвижника –
натруженные плечи,
«всегда готовый» чай, усталые глаза,
всегда готовые, однако ж, засветиться
мальчишескою верой в чудеса.
Сибирская, астафьевская хватка,
всегдашние поклоны Шукшину.

Ты не был баловнем.
Со скрежетом зубовным
скрёб неподатливые глыбы скриб,
порой друзей усмешки вызывая –
но что ты есть, коль шишек не набил?!
А ведь ещё горбатился и там,
в бетонно-раскаком-то комбинате,
где работяги, как собратья,
читали сообща твои стихи
и повести толково обсуждали.
...Но чёрт возьми,
уже тринадцать лет
Тебя здесь нет!..
чертовски странно.
Все двадцать лет не платят гонораров –
ни здесь, ни в стольном граде –
хоть умри!
Но я живой –
привет тебе, привет,
Иван.
«Но пасаран!» –
кричу я бедолагам,
замызганные пальцы сжав в кулак.

2 мая 2011